

9. Андрійко О.Ф. Організаційно-правові проблеми державного контролю у сфері виконавчої влади: автореф. дис...доктора юр.наук: 12.00.07 / О.Ф. Андрійко; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. – К., 1999. – 34 с.

10. Ганчев П. Общество и контроль. – София: Партиздат, 1978. – 236 с.

11. Заец А.П. Согласованность нормативных предписаний как условие повышения эффективности правового регулирования: автореф. дис...канд.юр.наук: 12.00.01 / А.П. Заец. – К., 1985. – 18 с.

12. Теория юридического процесса / В.М. Горшенев, В.Г. Крупин, Ю.И. Мельников и др.; / Под общ. ред. В.М. Горшенева. – Х.: Вища школа, изд-во при ХГУ, 1985. – 192с.

13. Про місцеве самоврядування в Україні: Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 280 / 97-ВР.

14. Про уповноваженого Верховної Ради України з прав людини: Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1998. – № 20. – С. 99.

15. Ипакян А.П. Методы управленческой деятельности в органах внутренних дел: Автореф.дис...канд.юр. наук.: 12.00.07. – М., 1973. – 21с.

16. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности / В.М. Горшенев, И.Б. Шахов. – М.: Юрид. Лит., . – 176 с.

17. Улупова Е.Д. Контроль в системе социалистического планового управления / Е.Д. Улупова; под ред. Г.Х. Попова. – М.: Моск. Рабочий, 1986. – 87 с.

УДК 340.12:[321:316.325]

ИНСТРУМЕНТЫ ТАЙНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПУБЛИЧНУЮ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Жук Н. А.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина

Аннотация: В статье в контексте проблемы защиты права общества на информацию о деятельности органов его публичной власти озвучиваются проблемы наличия в условиях современного мира широкого круга тайных по своей сути и мотивам деятельности институций, оказывающих непосредственное влияние на политику государства во всех сферах жизнедеятельности общества в интересах узкого круга субъектов.

Ключевые слова: публичная власть, право на информацию, лоббизм, тайное влияние, иностранные агенты, некоммерческие организации, мировое правительство.

Анотация: У статті у контексті проблеми захисту права суспільства на інформацію щодо діяльності його публічної влади озвучуються проблеми наявності в умовах сучасного світу широкого кола таємних за своєю суттю та мотивам діяльності інституцій, які здійснюють безпосередній вплив на політику держави в усіх сферах життєдіяльності суспільства на догоду вузького кола суб'єктів.

Ключові слова: публічна влада, право на інформацію, лобізм, таємний вплив, іноземні агенти, некомерційні організації, світовий уряд.

Annotation: In this article in the context of protecting the public's right to information about the activities of public authorities voiced his availability problems in today ira wide range of covert in nature and motives of the institutions that have a direct impact on the policy of the state in all spheres of society in the interests of a narrow subjects of the circle.

Key words: public power, the right to information, lobbying, hidden influence, foreign agents, non-profit organizations, world government.

«Главная цель всей системы секретности – спрятать от общественности некомпетентность и коррумпированность исполнительной власти, ее просчеты, а временами – и преступления. Система секретности, кроме того, позволяет администрации решаться на рискованные авантюры» [1, с. 433], – трудно не согласиться с метким наблюдением выдающегося американского ученого А. М. Шлезингера-мл. Но общепризнанным неотъемлемым атрибутом современной демократии является защита права отдельных граждан и общества в целом на получение своевременной, достоверной и достаточной информации о действиях органов своей публичной власти. Как разрешить эту противоречивую данность бытия современного общества?

Традиционно в отечественной юриспруденции рассуждения о проблемах открытости публичной власти и ее антипode – утаивании информации органами публичной власти – ведутся в контексте проблем взаимодействия между разными ветвями власти, одновременно якобы разделенных в соответствии с требованиями принципа разделения власти и, тем не менее, единых в силу принадлежности к одному общественно-правовому феномену – государству. Целесообразность исследования данной проблемы в такой постановке проистекает из необходимости правового обеспечения осуществления парламентом контрольных функций по отношению к органам иных родов власти – в первую очередь, исполнительной. И действительно, эффективность и результативность, а значит, и сам смысл функционирования довольно широкого спектра известных ныне мировой государственно-конституционной практике форм и

институтов парламентского контроля (в том числе, вопросов к правительству, заслушивания отчетов о выполнении программ деятельности правительства и о ходе выполнения бюджета, парламентских расследований, деятельности постоянных комитетов и временных специальных и следственных комиссий парламента и Омбудсмена, ратификации международных договоров, дачи согласия на назначение и освобождение государственных должностных лиц, контроля за делегированным законодательством и за предоставлением и использованием государственных займов, одобрения тех или других решений президента и правительства [подр. см.: 2, с. 360-364.]) за иными органами государственной власти непосредственно зависит от уровня осведомленности парламента о реальном состоянии дел во всех сферах жизнедеятельности общества, о ходе и последствиях государственно-правового воздействия на протекающие в обществе процессы.

В то же время именно исполнительная, а отнюдь не законодательная власть в силу своей природы и организации обладает всей полнотой информации в этих вопросах. Посему все формы парламентского контроля предназначены для того, чтобы держать парламентариев в курсе того, что на самом деле происходит в середине исполнительной власти. Однако в этих вопросах парламента зависим от бюрократии органов последней, а информационное обеспечение исполнительной власти в целом превосходит аналогичное обеспечение парламента. Наконец, ситуация усугубляется тем, что исполнительная власть нередко прибегает к разным приемам, лишь бы уклониться от своей обязанности надлежащим образом информировать парламента – на практике такое может проявляться в предоставлении в парламента искаженной, недостоверной информации или, напротив, обрушение на него чрезмерной и настолько сознательно усложненной информации, что это заведомо обуславливает невозможность ее обработки.

Еще более серьезной проблемой, с которой сталкиваются парламента (а посредством этого – и общественность в целом) практически всех стран, можно считать утаивание информации органами исполнительной власти¹, а с недавних пор – и осуществление тайного, то есть несанкционированного правовыми средствами сбора органами исполнительной власти и так называемыми независимыми агентствами информации об обстоятельствах частной жизни граждан и утаивание как хода этого процесса, так и его цели².

Основные закономерности борьбы между высшими органами представительной и исполнительной ветвей власти в сфере открытости информации особенно наглядно прослеживаются в конституционно-правовой практике США, ознакомление с вехами которой представляется крайне полезным. Так, в течение XIX-XX вв. исполнительная власть в США достигла, по выводам экспертов, таких успехов в деле утаивания от Конгресса информации «по соображениям государственной безопасности», особенно в сфере внешней политики, что в конституционной практике даже появился соответствующий термин –

«привилегия исполнительной власти» [3, с. 58], призванный обозначить особое положение органов последней в отношениях с парламентом в определенных вопросах. Эта так называемая «привилегия» предусматривала две основные прерогативы исполнительной власти: ее право на конфиденциальность, то есть возможность отказать парламенту в информации и документации, касающихся процесса принятия правительственных решений, и безусловность соблюдения парламентом того правила, что работников органов исполнительной власти не могут обязать свидетельствовать перед органами парламента о внутренних отношениях в ее ведомствах [3, с. 62-63]. На некоторое время Конгрессу США пришлось смириться: споры между ветвями власти, возникавшие на почве обращения исполнительной власти к этой «привилегии», решались, как правило, в пользу президента. Ситуация, однако, претерпела кардинальных изменений во время судебного разбирательства так называемого «уотергейтского дела» (1973-1974 гг.) [подр. см.: 4, с. 153-174], связанного с личностью Президента США Р. Никсона, которому инкриминировалось злоупотребление служебными полномочиями с целью тайного сбора информации в политических целях. В результате, по выводам исследователей, «привилегия исполнительной власти» подверглась усечению, а права законодательной и судебной ветвей власти на получение надлежащей информации со стороны исполнительной власти были восстановлены» [1, с. 405].

В контексте рассматриваемой проблемы заметим, что возникновение конфликтов между ветвями власти в случае существования каких-нибудь «привилегий» исполнительной власти в сфере информации есть закономерным, ибо воображаемому праву исполнительной власти на охрану «своей» тайны противостоит естественное право других ветвей власти на получение всех необходимых им сведений о ее деятельности. Какие же тайны может скрывать тщательно сконструированная система секретности функционирования исполнительной власти? Учитывая органически присущие ее органам возможности и конституционные и, более того, реальные полномочия, масштабы такой секретности могут быть даже трудновообразимыми. Вопросы перераспределения объектов некогда общественной собственности, условий доступа к освоению природных ресурсов, расходования средств государственного бюджета и средств гарантированных государством внешних займов, условий присоединения к межгосударственным объединениям, международной торговли продукцией естественных государственных монополий... Украине факты утаивания информации органами публичной власти, без преувеличения, сверхмногочислены. Согласно публичному признанию Валентины Семенюк, экс-председателя комитета Верховной Рады Украины по вопросам приватизации, парламенту в течение многих лет была недоступна информация о ходе приватизации объектов государственной собственности вследствие того, что подавляющее большинство изданных в этой сфере актов Президента Украины и правительства

имели гриф секретности. На проблему распространения в Украине практики чрезмерно широкого применения неоправданного грифа секретности нормативно-правовыми органами исполнительной власти неоднократно обращали внимание и эксперты Харьковской правозащитной группы. Какие из своих решений и по каким соображениям пыталась скрыть таким образом исполнительная власть? Очевидно, что найти приемлемый для общества ответ на этот вопрос возможно лишь в случае полномасштабного расследования каждого из таких фактов, что априори невозможно в существующих на сегодня обстоятельствах разрушения конституционного строя украинского государства и отсутствия в нем какого-либо правового порядка.

Нам же, опираясь на передовой мировой опыт в деле правового обеспечения надлежащего информирования исполнительной властью парламента, все-таки представляется целесообразным предложить соответствующие правила взаимодействия между ветвями публичной власти в этом вопросе. Во-первых, понятия «государственные интересы», «национальная безопасность», «коммерческая тайна» и прочие, к которым по обыкновению апеллирует исполнительная власть для оправдания секретности своих действий, должны быть точно растолкованы в законе. Во-вторых, парламент вправе получать от органов исполнительной власти (включая президента) любую информацию, которую он полагает необходимой для эффективного осуществления им законоотворчества и контрольных функций. Соответственно, несоблюдение исполнительной властью этого требования должно влечь за собой постановку парламентом вопроса о выражении недоверия отдельным членам правительства или правительству в целом. В-третьих, органы исполнительной власти обязаны по первому требованию суда предоставлять всю информацию, которая, по мнению последнего, может быть доказательством в деле. Понятно, что в этом процессе огромное значение имеет принципиальная и последовательная позиция парламента в случаях выявления ею попыток сокрытия от народа органами исполнительной власти общественно-значимой информации. Так, в государственно-правовой практике Украины образцовыми в этом направлении можно считать меры реагирования, предпринятые Верховной Радой Украины в сентябре 1999 года в ответ на необеспечение Кабинетом Министров Украины прямой телевизионной и радиотрансляции Дня Правительства вопреки требованиям законодательства. В такой ситуации парламент, расценив указанные действия правительства как «утаивание от народа Украины вопросов, касающихся... всех граждан Украины, судьбы самого государства» [14], принял ряд постановлений об информационной блокаде парламента [15], сделав достоянием общественности, таким образом, состояние дел в сфере гласности функционирования органов государственной власти.

Возвращаясь же к более глобальной постановке вопроса об информированности широкой общественности об истинных мотивах и других не

очевидных обществу аспектах деятельности органов публичной власти общества, следует признать, что проблема утаивания информации органами исполнительной власти от законодателей в условиях современного мира представляется, невзирая на всю ее серьезность, все-таки менее значимой, нежели другие аспекты этой проблематики. Объяснение этому видится в том, что подобного рода действия исполнительной, как, впрочем, и иных ветвей власти, является лишь следствием влияния на механизм их функционирования целого ряда факторов, тщательно скрываемых от общественности как нередко в самом факте их существования, так и в целях и мотивах их деятельности, носящей, по этой самой причине, преимущественно тайный, конспиративный характер. Речь идет о существовании в условиях современного миропорядка, как на глобальном, так и на уровне национальных государств, множества институций, функционирование которых нацелено на оказание самого непосредственного (прямого и косвенного) воздействия на органы публичной власти отдельных народов.

Понимание специфики современного мирового устройства и особенностей функционирования государственных систем ведущих держав западного мира, а также многочисленных факты открытого и скрытого вмешательства последних во внутреннюю политику других государств [подр. см.: 5] не позволяет нам оставить за скобками исследовательского внимания проблему инструментария, с помощью которого эти государства успешно обеспечивают свое господствующее положение на мировой арене.

Лобби, группы давления, иностранные агенты, тайные общества и, наконец, мировое правительство – вероятно, далеко не полный перечень тех современных инструментов (институтов, механизмов) закулисного влияния отдельных субъектов (группы лиц) на публичную власть отдельных обществ. И если конкретные национальные правительства (в широком понимании последнего) не признают перед лицом своего народа наличие этих факторов, это отнюдь не означает, что они не существуют – вопрос заключается лишь в том, насколько эти общественно-политические надстройки способны адекватно оценивать происходящие в современном мире трансформации и реагировать на их вызовы.

Интересно, что если некоторые из этих некогда преимущественно тайных (нелегальных, подпольных) элементов государственно-правовой действительности имеют довольно давнюю историю правовой легализации (как, например, институт лоббизма), то иные продолжают функционировать вне каких-либо рамок правовой регламентации, не переставая быть, тем не менее, чуть ли не самым влиятельным элементом системы глобального управления (каким, говоря языком конспирологии, выступает так называемое мировое правительство). К примеру, в США факт наличия так называемого лоббизма и различных групп давления на государственно-правовом уровне был признан еще в 1946 году, что нашло свое отражение в соответствующем Законе о федеральном регулировании лоббизма [6, с. 60] с окончательным

закреплением его форм Федеральным актом о лоббировании 1995 года [7]. Еще ранее, в 1937 году, парламентом США в законодательные рамки было введено функционирование института так называемой «иностранной агентуры» путем принятия Акта о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act – FARA) [8]. В Российской Федерации закон «Об иностранных агентах» вступил в действие в ноябре 2012 года. Да и в наисовременнейшей конституционной практике украинского государства была предпринята попытка законодательного урегулирования функционирования института иностранных агентов, что нашло свое отражение в отдельных положениях законопроекта №3879 от 14.01.2014 года «О внесении изменений в Закон Украины «О судостроительстве и статусе судей»...», принятом на последнем заседании 3-й сессии Верховной Рады Украины.

В то же время куда более закрытой, как для отдельных обществ, так и для мировой общественности в целом, остается деятельность так называемого мирового правительства, которое авторитетные исследователи этой проблемы связывают и, более того, идентифицируют с созданным в 1954 году Бильдербергским клубом [подр. см.: 9], нынешними членами которого являются богатейшие люди планеты (в том числе, Д. Рокфеллер и Дж. Сорос), действующие и экс-главы ведущих буржуазных стран, руководители правительств последних и главы международных военных и финансовых институтов (в том числе, Ангела Меркель, Билл Клинтон, Жак Ширак, Тони Блэр, Дональд Рамсфилд, Пол Вулфовиц, Генри Киссинджер, Хавьер Солана), а на его заседаниях регулярно присутствуют главы Международного валютного фонда, Всемирного банка, Федеральной резервной системы и Европейского центрального банка, президенты наивлиятельнейших в мире компаний, генеральные секретари НАТО, министры обороны, сенаторы и конгрессмены США, главы ЦРУ и ФБР, все европейские комиссары, премьер-министры, лидеры оппозиционных партий, руководители центробанков, главные издатели и редакторы самых влиятельных газет в мире [9, с. 12-14]. Исследователи задаются логичным вопросом: «Бильдербергский клуб – это не тайное общество, а вполне официальное учреждение, о котором опубликован ряд статей. Однако более чем за пятьдесят лет его заседаний ни разу не просочилась информация о том, что же они обсуждают. Пресса никогда не могла присутствовать на совещаниях, и не было сделано ни одного сообщения о выводах, к которым пришли присутствующие. ... Разве общество не имеет права знать, о чем говорят самые могущественные президенты, премьер-министры, короли и королевы на встречах с самыми богатыми предпринимателями и банкирами? Как общество может быть уверено в том, что Бильдербергский клуб не является центром закулисных махинаций, если граждане не получают информацию о том, о чем говорят там их представители?» [там же].

С учетом чрезвычайной значимости влияния указанных выше институций на органы публичной власти современного общества, предлагаем хотя бы мельком взглянуть на характерные черты некоторых

из них, предварительно проанализировав то, что объединяет все эти, столь разные по своему правовому статусу, инструментарию и методологии функционирования институты.

Этим общим выступает тайный по мотивам и механизмам организации характер их деятельности, обусловленный преследованием учредителями и участниками этих институций таких общественно-политических «целей, которые не допускаются законом или для успеха которых организация общества должна иметь скрытый характер» [10]. В функциональном отношении такого рода институты представляют собой формы социальной организации, не вписывающиеся в господствующую (официальную) социальную структуру. Другой, не менее важной общей чертой тайных по своей сути институтов влияния на органы публичной власти общества выступает выстраивание альтернативных систем связей и отношений между людьми внутри уже существующих систем. Примером последних особенно наглядно служит широко распространенная в англо-саксонских странах практика функционирования так называемых университетских братств, служащих достаточно важным механизмом для установления между его членами неформальных связей в будущем. И, наконец, все эти институты объединяет наличие у них значительного влияния (чаще – реального, нежели приписываемого), корыстных финансовых или политических интересов, а также, как правило, глобальных целей.

Какие же цели лежат в основе неукоснительности соблюдения членами таких институций их тайн? История дает нам множество иллюстраций как величия в своей гуманности и справедливости целей возникновения и существования таких организаций – от стремления к освобождению страны из-под иностранного ига (как у тайного общества Геретия в Греции с 1814 г.), желания восстановить конституционный строй или учредить демократическое правление (как у подпольной «Молодой Испании» в начале XIX в.) до осуществления социалистических идей (как у многочисленных тайных организаций Франции во второй трети XIX в.), так и низменности и гнусности в своей порочности и бесчеловечности намерений – достаточно вспомнить в этой связи деятельность основанного в 1860-х гг. в США братства защитников рабовладения – «Рыцарское общество Золотого циркуля», на счету которого, в том числе, убийство президента США А. Линкольна [там же].

Посмотрим более внимательно на то, что же собой представляют эти «тайные агенты» влияния на органы публичной власти общества на примере так называемых некоммерческих организаций (далее – НКО), деятельность которых, по убеждению исследователей [например, см.: 11], в условиях современного постсоветского общества заслуживает особо пристального внимания. Следует отметить, что массовое возникновение НКО в государствах постсоветского пространства и их последующая деятельность действительно оказали подчас кардинальное влияние на ход общественного развития народов этих стран. Примечательно, что зачастую именно фасадами так называемых НКО прикрывается функционирование иностранных

агентов, о которых речь пойдет несколько ниже. Но в чем же особенность деятельности этих организаций в государствах, образованных на территории бывшего СССР? Ответ на этот вопрос в полной мере дает знакомство с текстом «Размышлений о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» 1945 года (более известных как «План Даллеса по уничтожению СССР») авторства Аллена Даллеса (идеолога «холодной войны», директора ЦРУ в 1953-1961 гг.) и анализ основанной на его идейных постулатах Директивы Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года [12]. Именно эти НКО, щедро, хотя и подпольно финансировавшиеся ЦРУ США вплоть до 1967 года, несколько десятилетий спустя стали тем «мирным инструментарием, продвигающим демократию», который позволил успешно осуществить информационную подрывную работу в сфере морали и нравственных устоев в отношении государств советского блока, о первостепенной значимости которой с таким упоением размышлял А. Даллес в своем эссе.

Что касается «иностранных агентов», то под последними в мировой политико-правовой практике принято подразумевать лиц, действующих в политическом или квазиполитическом качестве как агенты зарубежных представителей, то есть от имени, по поручению или заказу, а также в интересах иностранных государственных структур или иных находящихся за рубежом организаций. Что касается цели деятельности такого рода агентов, то ею, по формулировке генеральной прокуратуры США по вопросам национальной безопасности, которая и осуществляет контроль за этими «агентами», является «оказание воздействия на содержание законов, политику и общественное мнение» [13].

Бесспорно, ключевой задачей суверенного государства является защита национальной обороны, внутренней безопасности и внешней политики государства. Соответственно, своевременное выявление любого иностранного участия в деле оказания влияния на политику государства посредством, в том числе, иностранных агентов безусловно лежит в плоскости интересов общества. А это достигается посредством раскрытия сведений лицами, вовлеченными в определенную политическую деятельность от имени зарубежных представителей. Посему важнейшим шагом на пути разрешения этой проблемы выступает правовая легализация этого института. Соответствующая мировая практика позволяет сформулировать перечень ключевых законодательных требований к функционированию «иностранных агентов». Это касается, во-первых, установления в законе порядка их регистрации. Во-вторых, обеспечения прозрачности их деятельности, что достигается посредством формирования их реестра и открытостью доступа общественности к его информации. В-третьих, обеспечением их подотчетности компетентным органам государственной власти посредством периодического обязательного предоставления в эти органы сведений о своей деятельности и о размере материально-финансовых поступлений со стороны иностранных субъектов в какой-либо форме, с установлением

соответствующих санкций правового характера за несоблюдение этого требования. И, наконец, законодательного установления запрета представителям органов, осуществляющих государственный контроль за иностранными агентами, получать все виды подарков, услуг и иных форм оплаты от последних.

В современных условиях разрешение вопроса информационной защищенности народа, подразумевающее его надлежащую обеспеченность информацией, находится в прямой зависимости от того, готовы ли органы его публичной власти, во-первых, признать факт наличия институций, оказывающих тайное воздействие на их деятельность; во-вторых, признать и обнародовать прецеденты такого воздействия, и, наконец, принять конкретные шаги, нацеленные на устранение негативных последствий такого воздействия и на его предотвращение в будущем. Не стоит забывать и ту закономерность, что масштаб сокрытия публичной властью общественно-значимой информации предопределяется уровнем развития гражданского общества, единственно способного ввести субъектов своей политической сферы деятельности (в первую очередь, государство) в определенные, четко очерченные им рамки.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Показательными в этом вопросе можно считать одиозные скандалы, разгоревшиеся в 2006 году между органами законодательной и исполнительной ветвей власти в США и Англии по поводу утаивания национальными правительствами истинных обстоятельств начала боевых действий в Ираке в 2003 году. Так, в Англии это обстоятельство стало началом конца эры премьерства Тони Блэра. В свою очередь, Президент США был вынужден под нажимом парламента отправить в отставку одного из кормчих этой военной кампании своего друга Д. Рамсфила

2. В качестве иллюстрации припомним разоблачения, сделанные экс-сотрудником Национального агентства безопасности США Эдвардом Сноуденом в прошлом году об особенностях тайной стороны деятельности этой организации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории: Пер. с англ. закл. ст. Терехова В.И. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 688 с.
2. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Издательство «Зерцало», 1998. – 448 с.
3. Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 190 с.
4. Баренбойм Петр. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: Учебное пособие. – М.: Белые альвы, 1995. – 176 с.
5. У. Блум «Убийство демократии. Операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны» «Реальная политика»: «Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период» под общей ред. В. Крашенинниковой (Москва, 2013 г.).
6. Мишин А.А. Государственное право США [АН СССР Ин-т США и Канады]. М.: Наука, 1976. – 207 с.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7695000/7695523.stm
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fara.gov/>

9. Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба / Д. Эстулин; пер. с исп. И. В. Жук. – Минск: «Попурри», 2009. – 304 с.

10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki>

11. Вероника Крашенинникова: «На западные гранты выросло уже целое поколение» // Еженедельник «2000». – № 48(679). – 29 ноября – 5 декабря 2013 г. – Держава.

12. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950 NSC 20/1. – P. 173-203.

13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pvlast.ru/forum/showthread.php?p=94>

14. Заява Верховної Ради України з приводу ситуації, що склалася у зв'язку з порушенням органами виконавчої влади вимог законодавства України щодо проведення Дня Уряду України від 23 вересня 1999 року // Голос України. – 24 вересня 1999 року. – № 177.

15. Про інформаційну блокаду роботи Верховної Ради України: Постанова Верховної Ради України від 23 вересня 1999 року № 1099-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 48 (03.12.99). – Ст. 422.

УДК 340.141:347.6(540)

О ВОЗРАСТЕ СОГЛАСИЯ В ИНДИИ

Рождественская Е. С.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы возраста согласия в Индии, связанные с противоборством древних традиций и современных законов.

Ключевые слова: возраст согласия, Индия, законы, древние традиции, Закон о возрасте согласия 1891 г., сексуальное насилие над ребенком, детские браки.

Анотація: У статті розглядаються проблеми віку згоди в Індії, пов'язані з протиборством стародавніх традицій і сучасних законів.

Ключові слова: вік згоди, Індія, закони, стародавні традиції, Закон про вік згоди 1891 р., сексуальне насильство над дитиною, дитячі шлюби.

Annotation: The article is dedicated to age of consent in India that arises the confrontation between ancient traditions and modern laws.

Key words: age of consent, India, laws, ancient traditions, Age of Consent Act, 1891, sexual child abuse, child marriage.

Вопрос о возрасте согласия – один из тех, которые сегодня вызывают особенно горячие споры и активно обсуждаются в правительстве и обществе Индии. Этот вопрос связан с целым клубом взаимосвязанных и трудноразрешимых проблем: диспропорцией в соотношении численности мужского и женского населения, ранними детскими браками, детской проституцией, похищением невест, селективными абортами и нищетой. И все это на характерном для любого традиционного общества фоне противоборства древних, укоренившихся в религии и образе жизни традиций и представлений с действующими законами страны.

Возраст согласия – это возраст, с которого подросток вправе самостоятельно распоряжаться своей половой свободой и легально вступать в сексуальные отношения. Возраст согласия необязательно совпадает с брачным возрастом. В различных странах возраст сексуального согласия варьирует от 12 до 20 лет, а в некоторых странах вообще отсутствуют подобные нормы в законе. Установление этой границы является важным критерием, отграничивающим противоправное сексуальное деяние в отношении несовершеннолетнего, от допустимого поведения. На протяжении всей истории взгляды на этот вопрос постоянно менялись в зависимости от того, что

признавалось допустимым в области сексуальной жизни.

Традиционно выделяют четыре возрастные группы возраста согласия:

1) возраст невозможности согласия (это малолетние дети, которые не достигли половой зрелости и неспособные осознавать значение своих действий);

2) возраст недействительного согласия (несовершеннолетние младшего возраста, сюда относятся и достигшие половой зрелости, но не имеющие права давать согласие на совершение с ними сексуальных действий);

3) возраст условной допустимости согласия (несовершеннолетние старшего возраста, которые вправе вступать в половые отношения при определенных условиях);

4) возраст безусловной допустимости согласия (несовершеннолетние старшего возраста, которые вправе вступать в половые отношения по своему усмотрению) [1].

Но, говоря о возрасте согласия, недостаточно остановиться только на уголовно-правовой характеристике этого понятия. Необходимо учитывать широкий спектр психологических, религиозных, культурных, и социальных составляющих этого понятия.

Сегодня во многих странах, в том числе и в Индии, социальные нормы полового поведения находятся в состоянии активной трансформации.